

Тхагазитов Юрий Мухаметович, Губашиева Елена Мубаридовна

ЭВОЛЮЦИЯ АДЫГСКОЙ ЭТНИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ XIX В.

В статье рассматриваются аспекты взаимодействия деятельности адыгских просветителей с русской культурой первой половины XIX века. В исследовании также изучаются вопросы многовековой взаимообусловленности русской и северокавказских культур в контексте структурирования адыгской картины мира в условиях современной культурной универсализации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/12-1/12.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 12(66): в 4-х ч. Ч. 1. С. 45-47. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82-1/9

В статье рассматриваются аспекты взаимодействия деятельности адыгских просветителей с русской культурой первой половины XIX века. В исследовании также изучаются вопросы многовековой взаимообусловленности русской и северокавказских культур в контексте структурирования адыгской картины мира в условиях современной культурной универсализации.

Ключевые слова и фразы: общественное сознание; идеология; социальная модель; русская общественная мысль; цивилизация; культура; нация; государство; духовность; романтизм.

Тхагазитов Юрий Мухаметович, д. филол. н.

Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук

Губашиева Елена Мубаридовна, к. филол. н.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова

K.Roza07@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ АДЫГСКОЙ ЭТНИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ XIX В.

Современная наука в последние годы актуализирует поиски традиционных оснований социокультурного единства русско-российского общества. Следовательно, мы считаем важным отметить роль и функции деятельности адыгских просветителей в нивелировании некоторых наблюдающихся сегодня осложнений в межнациональных отношениях.

Творчество адыгских деятелей культуры XIX века в контексте этнодиалога русской и адыгской культур позволяет нам выделить в нем два различных направления в рамках национального просветительского движения. Первое – деятельность просветителей, оказавшихся в первой половине столетия на авансцене высшей элиты Российской Империи. Второе направление просветительства черкесов – деятельность, связанная с переломной для всех народов Империи серединой XIX века, подтвердило тезис о соотношении фило- и онтогенеза [1]. При этом, несмотря на традиционное определение Ш. Ногмова, С. Казы-Гирея и Хан-Гирея в качестве просветителей, мы можем считать их таковыми, лишь приняв некоторые оговорки [9].

В самом деле, просветительская деятельность ориентирована на этническую и культурную среду, которая генерирует саму идею просветительства. В трактовках И. Канта, Д. Дидро и Вольтера просвещение представляется процессом целенаправленной и иницируемой определенными социальными стратами диффузии культурных представлений и стандартов в широкую гражданскую среду – от элиты ко всё более широким слоям общества. Закономерно, что в каждом отдельном случае речь идёт о диффузии в одной языковой, шире – этнической среде, начинающейся с представителя этого же культурного мира.

Адыгское же просветительство «первой волны» было, как представляется, обратно направленным, инверсионным. Все культурное наследие её представителей адресовано вполне определенной задаче – ознакомлению читающей публики Империи с духовной и повседневной жизнью адыгов. Показательным фактом является то, что единственные попытки фиксации этнически функциональной информации – «Начальные правила адыгейской грамматики» и «Кабардино-русский словарь» Ш. Ногмова – не вызвали заметного резонанса вне узкого круга специалистов, да и реакция последних ограничилась мимолетными констатациями.

Зато его же «История адыгейского народа», этнографические наблюдения деятелей национального просветительства первой половины XIX века, удивили интеллектуальную элиту России, сделавшись предметом живого обсуждения и обратив на себя внимание крупнейших представителей культуры метрополии. Примечательно, что наибольшее впечатление на русское общественное сознание произвели отзывы В. Белинского и А. Пушкина о творчестве адыгских просветителей, а также были отзывы целой плеяды талантливейших писателей.

Анализируя данную ситуацию, мы должны понимать общее состояние русской культуры и общественной мысли той эпохи. Два сильнейших течения, как модное западное влияние, так и обусловленное духовными потребностями общества постдекабристского периода, обеспечили повышенный интерес русского просвещенного общества к культуре адыгов. Европейская ориенталистика, официально имеющая своим началом поэтические опыты Гёте, но восходящая к текстам эпохи крестовых походов, с конца XVIII – начала XIX века приобрела в России масштаб одного из главных направлений развития социально-политической, эстетической и философской мысли. Осознание мессианской роли русского народа, возведенное в ранг государственной внешней и внутренней политики Империи, быть может, и сдерживало интерес к Востоку и исламу в его открытых программных проявлениях, однако не могло полностью нивелировать интерес верхушки общества к идеологии и культурному наследию Азии и арабского мира.

Не обращаясь к другим примерам, укажем, что только творческое наследие А. Пушкина включает в себя целые циклы стихов, выстроенных на восточном и кораническом материале. Часть «восточных» мотивов великого русского поэта дана в прямых номинациях, некоторые основываются на сюжетах и образах фольклора и мусульманской «апокрифики»: так, пожалуй, самое известное стихотворение А. Пушкина, «Пророк», представляет собой практически буквальное переложение эпизода из жизни Пророка Мухаммеда [6].

Поэтому интерес русского читателя к Кавказу, в глазах россиян той поры представлявшегося частью Исламского мира и Азии в целом, понятен. В Российской Империи ориентализм в его, так сказать, «южном» варианте был подкреплен еще одним существенным моментом. После 1825 года надзор над идеологией общества был резко ужесточен, гражданское «вольнодумство» в его европейском варианте было гонимо. Человек, опередивший в своем «западничестве» окружающее общество, как минимум, вызывал подозрение. Русская передовая мысль закономерно обратилась к сублимативным формам пропаганды индивидуальной свободы, и здесь облик кавказца мог статуйроваться как бесспорный образец внеполитического носителя личностного начала, не обремененного условностями государственного общежития.

Адыгские просветители, осознавая предопределенность войны, видели необходимость в диалоге русской и адыгской северокавказской культур. Эпический мир Северного Кавказа в XIX веке оставался важным «арсеналом и почвой» ускоренного развития русского романтизма и реализма. Россия с ее ностальгией по утрачиваемой цельности бытия и устремленность русскоязычных адыгских просветителей к выходу из эпическо-циклического мировосприятия в исторически направленное время и являлись основой такого историко-культурного взаимоотяготения.

Образ горца-воина, личности-одиночки, топология его среды – горы, утесы, снежные вершины, буйные реки, темные ущелья и пропасти, растиражированные русской культурой, как нельзя более отвечали поискам социальной модели для России того периода. Романтизм как философское, этическое, эстетическое течение определял общий стандарт восприятия мира. Система мировидения романтизма была принята российским обществом, поддерживалась вкусовыми пристрастиями его высших слоев и культивировалась под эгидой самых влиятельных и могущественных людей своего времени. Весьма показательной видится в этом смысле приписка Николая I, основанная императором на донесении А. Х. Бенкендорфа по поводу критики Булгариным «Евгения Онегина»: «... в критике на Онегина только факты и очень мало смысла; хотя я совсем не извиняю автора, который сделал бы гораздо лучше, если бы не предавался исключительно этому весьма забавному роду литературы, но гораздо менее благородному, нежели его Полтава» [7, с. 12].

Некая усеченность идеологической парадигмы «свободы», воплощенной в горце, как представителе Северного Кавказа, была неизбежной платой русской социально-политической и художественной мысли нормам социальной адаптации в николаевской России. Все, без исключения, герои «кавказских» произведений русских писателей во многом асоциальны в том плане, что их связи с обществом, независимо с аутентичным или «цивилизованным» русским, были случайны и ситуативны.

Это мы наблюдаем даже в поздних стадиях развития «кавказской» темы в русской литературе. Хаджи-Мурат настолько же изолирован и уникален в двух культурных средах, как Казбич и Мцыри, а квинтэссенцией кавказского «вольного» духа может считаться его личная независимость, обеспечиваемая, в свою очередь, личной готовностью к борьбе за свободу.

Но после разгрома декабристского движения апелляции к Кавказу стали, пожалуй, единственным способом выражения оппозиционных антиклерикальных и антимонархистских идей русского сознания, всячески культивировался и развивался образ горца, как человека, ставящего свободу превыше всего, и в этом своем качестве воспринимавшегося как личность, все остальные черты которой, хороши они или плохи, выглядели мало существенными.

Таким образом, поистине триумфальное вхождение в сферу русской художественной словесности представителей адыгского просветительства было обеспечено фундаментальным интересом русской общественной мысли и культурного сознания к вариативным моделям социального общежития, в которых роль государственного давления была бы сведена к минимуму. В свою очередь, мотивы и концептуалистика творчества просветителей также обусловлены рядом объективных обстоятельств.

Полностью принимая текст «Истории» Ш. Ногмова в качестве собрания архаичных и, в основной своей массе, утерянных свидетельств прошлого адыгов, мы не можем не отметить некоторую тенденциозность его исторических реконструкций, тенденциозность, воплощенную, возможно, в «неверных толкованиях» [5]. Некоторые эпизоды его изложения реально противоречат даже тем сведениям XVIII-XIX вв., которые подтверждены документально и аутентично.

Мы далеки от мысли, что Ш. Ногмов «конструировал» историю адыгов, исходя из собственных этнических установок или, тем более, индивидуальных воззрений на прошлое народа. Однако тенденциозность и предварительная «идеологическая» заданность его изложения очевидна, по крайней мере в части некоторых рассуждений и выкладок. Этницизм Ногмова-историка в первой половине XIX века не мог объясняться необходимостью реабилитации адыгской духовности и ментальности.

Русская классическая литература, описывая кабардинцев как образец устремленности к своей свободе, говорит нам о том, что Ногмову не требовалось что-либо доказывать соседям или русскому обществу относительно их положения, роли и престижа адыгов.

Статус народа был весьма и весьма высок, что вполне адекватно отражалось и в истории взаимодействия адыгов и сюзеренного государства, в качестве которого выступала Российская Империя.

Однако положение адыгской феодальной верхушки, начиная с момента строительства крепости Моздок, серьезно пошатнулось. Одним из элементов политики России по отношению к Кабарде было стремление поставить кабардинскую знать в положение, полностью зависимое от благосклонности монарха.

Этой цели Россия достигла к концу XVIII столетия. Уже в самом начале XIX века не только императорский престол, но и его администрация не видели на Северном Кавказе партнеров для переговоров и в дальнейшем решали все свои проблемы силовым давлением.

При этом решались две тактические задачи: первая – дальнейшее понижение статуса кабардинского дворянства с одновременным созданием барьера, препятствующего его численному росту в «легитимных» российских стратах, вторая – окончательное разрушение структур этнических сословных взаимоотношений.

Адыгскому дворянству, стоявшему перед фатальным выбором между противодействием интеграционным и ассимилятивным процессам и адаптацией к политическим реалиям нового времени, был дан исторический шанс «встраивания» в культурные, управленческие, социальные порядки Российской Империи [3]. «Модернизация» требовала высокой платы в различных секторах жизнедеятельности адыгов, и адатная нормативность, системы жизнеобеспечения, сословная организация, традиционная культура оказались под сильнейшим нивелирующим влиянием цивилизации «западного» типа. Это было понятно всем, однако возможность интеграции в российское сообщество оставляла вероятность сохранения народа как такового.

И в этой ситуации естественным образом сформировалась та часть национальной знати, которая была ориентирована на Россию, на адаптивную трансформацию этнического социума.

А потому, как нам представляется, «История адыгейского народа» Ш. Ногмова должна оцениваться именно в свете этих интенциональных интересов адыгского пророссийского дворянства. Труд кабардинского ученого, аргументированности и основательности его выводов и гипотез мы рассматриваем как идеологию, которая определяется рисками «растворения» черкесской аристократии в среде русского чиновничества, потенциальной опасностью окончательной потери привилегированных этнических групп, что само по себе в рамках имперского феодализма означало культурную гибель народа и его полную ассимиляцию [4]. Поэтому Ш. Ногмов строит свою «Историю» в контексте концепции Карамзина, придерживаясь схем русского автора в хронологической разбивке, в системе доказательств, в самих посылах к отысканию предков в античных временах. В тексте цитируемых Ногмовым народных песен была короткая ремарка русского историка, данная им в самом начале его фундаментального труда: «История сего времени упоминает об антах, которые, по известию Иорнанда и византийских летописцев, принадлежали к народу славянскому» [2, с. 77]. Подобно тому, как Карамзин доказывал всей просвещенной Европе право россос на наидревнейшие этнические корни, Шора Ногмов обосновывал идеи того же ряда, ориентируясь на идеологию русского историка и уровень российского исторического сознания.

Таким образом, адыгскому дворянству, стоявшему перед фатальным выбором интеграционных и ассимилятивных процессов к политическим реалиям, был дан шанс встраивания в культурные, управленческие, социальные порядки российской империи. Модернизация требовала высокой платы в различных секторах жизнедеятельности адыгов (нивелирование адатной нормативности сословной организации устоев традиционной культуры), но возможность интеграции оставляла вероятность сохранения народа как такового.

Список литературы

1. **Базиева Г. Д.** Этническая культура народов КБР. Нальчик: КБИГИ, 2013. 164 с.
2. **Вершигора А.** Хан-Гирей: новые документы и источники. Нальчик: Эль-Фа, 2003. 153 с.
3. **Карамзин Н. М.** История государства Российского: в 4-х т. Ростов-на Дону: Ростовское книжное издательство, 1990. Т. 1. 525 с.
4. **Литературная классика в диалоге культур.** М.: ИМЛИ РАН, 2014. Вып. 3. 382 с.
5. **Ногмов Ш.** История адыгейского народа. Нальчик: Эльбрус, 1994. 232 с.
6. **Панова В., Вахтин Ю.** Жизнь Мухаммеда. М.: Издательство политической литературы, 1990. 470 с.
7. **Приписка государя Николая Павловича к донесению А. Х. Бенкендорфа** // Выписки из писем графа Александра Христофоровича к Императору Николаю I о Пушкине. СПб.: Тип. Стасюлевича, 1903. 22 с.
8. **Хажуашев А.** Адыгские просветители. Нальчик: Эльбрус, 1993. 320 с.
9. **Хашхожева Р.** Адыгские просветители второй половины XIX – начала XX века. Нальчик: Эльбрус, 1983. 244 с.

EVOLUTION OF ADYGHEAN ETHNICITY IN THE CONTEXT OF RUSSIAN CULTURE OF THE XIX CENTURY

Tkhagazitov Yurii Mukhametovich, Doctor in Philology
Kabardino-Balkarian Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences

Gubashieva Elena Mubaridovna, Ph. D. in Philology
Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov
K.Roza07@mail.ru

The article examines aspects of interaction of the Adyghean educators' activities with the Russian culture of the first half of the XIX century. The study is also focused on the centuries-old interdependence of the Russian and North Caucasian cultures in the context of structuring the Adyghean worldview in terms of modern cultural universalization.

Key words and phrases: public consciousness; ideology; social model; Russian public thought; civilization; culture; nation; state; spirituality; romanticism.